

Шарашкина контора

ФСБ провоцирует ученых на научные открытия, а потом «закрывает» за шпионаж. Свидетельство директора института РАН.

В свое время большое впечатление произвел на меня описанный в одной из книг Виктора Суворова эпизод, в котором рассказывалось об «учебной» вербовке сотрудником советской спецслужбы инженера советского же оборонного предприятия. Сотрудник сумел так разговорить «очкарика» о волнующих его технических проблемах, что тот сказал явно лишнее. Дальнейшая судьба «очкарика», судя по произведению, была незавидной.

Честно говоря, не поверил, что такое могло быть. Не может государство быть столь безжалостным к своим гражданам. К обычным людям, ничем себя не запятнавшим. Но так получилось, что уже в наше время пришлось на себе испытать нечто подобное. Причем эпизод такого типа со мной случился не один, их было несколько десятков (!)

Все описанное ниже — подлинные события. Изменены только фамилии участников. Кое-где, чтобы не касаться щекотливых моментов, также изменены малосущественные детали.

В 2004 году в кабинете у меня, директора одного из научных институтов Российской академии наук, появились два офицера ФСБ. Подполковник Пчелин и куратор нашего института майор Паслёнов повели разговор о финансовых нарушениях в институте, обнаруженных незадолго до этого Росфиннадзором. Эти нарушения имели, однако, технический характер и поэтому особо меня не беспокоили. Как только сотрудники органов это поняли, разговор перешел на другие темы. Внезапно Пчелин спросил: «Скажите, а личные враги у вас есть?». «Наверное, да», — ответил я, слегка поколебавшись. «Вы знаете, у нашей службы такие огромные возможности, что мы можем любого человека скрутить в бараний рог. Назовите имена, и мы вам поможем». От этого предложения я опешил. Потом сказал, что в услугах такого рода не нуждаюсь. Когда они ушли, я понял, что здесь, скорее всего, имела место обыкновенная провокация, видимо, с целью вербовки. Появилось неприятное осознание того, что наши спецслужбы работают очень грязными методами, нацеленными на «активирование» самых порочных склонностей в человеке. Я бы еще понял, если бы речь шла о субъекте с устойчивой преступной психологией — такого уже ничто не испортит. Но как можно все это применять к обычным нормальным людям? Это, несомненно, нарушение прав и свобод человека и гражданина.

В 2005 году мы заключили выгодный контракт с Японским обществом содействия науке на изготовление для них некоего научного прибора (у нас в институте были для этого прекрасные специалисты, а ключевые компоненты прибора в России стоили намного дешевле, чем на западном рынке). Тогда ко мне пришел Паслёнов со странным предложением: «Мы можем сделать так, что японцы не потеряют интереса к сотрудничеству с вами». Я его совершенно не понял. Все осознал только, когда готовый прибор в ходе таможенной проверки на нашей границе изуродовали так, что для его восстановления пришлось посылать нашего специалиста в командировку в Японию. То есть Паслёнов предлагал просто элементарно поделиться в обмен на гарантии нормального отношения к нам государственных служб. Было ли это просто желанием подзаработать или очередной провокацией, определить нельзя. Определенным было только возникшее опять чувство соприкосновения с чем-то очень грязным.

Происходили тогда и всякие другие «интересные» события. Но главное было впереди. В 2006 году сотрудника нашего института профессора Коростылева ФСБ обвинила в разглашении гостайны. Якобы в отчетах по иностранному гранту он передал секретные сведения. Это была полная чушь. Работа по гранту представляла собой фундаментальные исследования в рамках тематик, по которым ученый люд всего мира открыто обменивается информацией в международных журналах и на научных конференциях. «Экспертные» заключения, на основе которых было возбуждено уголовное дело, были насквозь лживыми. Сразу после возбуждения уголовного дела меня пригласили на беседу в местный отдел ФСБ. Те же Пчелин и Паслёнов предлагали сотрудничать в деле изобличения Коростылева. На это я им сказал, что считаю Коростылева невиновным. Когда уходил, у обоих был вид типа «ну-ну, посмотрим...».

На следующий день после этого визита получил по электронной почте письмо от некоего Беднякова из Москвы. Я был с ним немного знаком, ранее он работал в той же научной области, что и я. Он сообщил, что сотрудничает с одной иностранной научно-инновационной фирмой и что эта фирма заинтересована в кооперации с нашим институтом по некоей модной тогда теме, имеющей отношение к нанотехнологиям. Удивительно, но как раз этой темой мы начали тогда у себя заниматься. Бедняков обещал щедрое финансирование из зарубежных фондов. Я выразил интерес, и вскоре Бедняков у нас появился с образцами для предварительного исследования. Исследования завершились успешно. Бедняков пришел в мой кабинет со словами: «Наши коллеги очень довольны, просили заплатить вам прямо сейчас». Я сказал, что являюсь лицом официальным и получать наличные не могу. «Вот давайте заключим контракт, и тогда получу то, что мне причитается, в кассе института». Меня поразила та перемена, которая вдруг произошла с Бедняковым. Вид его стал жалким, чуть ли не со слезами он умолял меня не обижать иностранных коллег и принять деньги. Вскоре после его отъезда у меня появился куратор Паслёнов. Вид у него был несколько растерянный. Он начал говорить нечто невразумительное. Заметно упавшим голосом вдруг опять стал предлагать сотрудничать, на этот раз уже за деньги.

Странное дело, после отъезда Беднякова всякие отношения с ним полностью прекратились. И это после многочисленных разговоров о перспективности этих исследований и положительных предварительных результатах! Некоторое время спустя вдруг меня озарило, что бы это могло быть на самом деле. Хорошо бы мы вместе смотрелись – Коростылев и я. Один продает иностранцам секреты, другой налево работает на иностранную фирму. Все это хорошо бы укладывалось в рамки имевших место тогда в некоторых кругах представлений, что российская наука переориентировалась на работу на Запад.

Помню возникшее тогда чувство счастливого избавления от серьезной опасности. Поводов в дальнейшем для появления такого чувства было более чем достаточно. Своими глазами, например, видел рапорт оперативника ФСБ о необходимости возбуждения против меня уголовного дела за разглашение гостайны. Это было результатом очередной провокации, которая в тот раз им удалась. (Сначала подкинули идею о полезности проведения независимой экспертизы отчетов Коростылева в других научных организациях, а потом обвинили меня в том, что в эти организации якобы «секретные» отчеты были посланы несекретной почтой.) Не знаю, что меня тогда спасло. Может, очевидная абсурдность воздвигнутых обвинений (копии этих «секретных» отчетов давно уже находились у иностранного грантодателя). Может, жесткая позиция моего руководства — вице-президент РАН заявил им тогда, что директора не сдаст.

Дело Коростылева закончилось самым счастливым образом — все обвинения в 2007 году с него сняли в результате проведенной наконец-то честным образом экспертизы отчетов. Почему это произошло, мы не знаем. До тех пор с делами «ученых-шпионов» у нас без лжи не разбирались. Судя по всему, это было решение руководства страны, принятое вопреки мнению ФСБ.

Казалось бы, теперь можно вздохнуть спокойно. Но нет, цепь подстав и провокаций продолжалась. Их описание заняло бы слишком много места. Приведу здесь только один случай, который произвел на меня особое впечатление. В том же 2007 году ко мне обратился некто Иванов, представитель филиала в нашем городе одной иностранной научно-внедренческой фирмы. В этом филиале по совместительству работали некоторые наши сотрудники. Иванов сказал, что заинтересован в расширении сотрудничества с нашим институтом и хотел бы оформить для этого соответствующий договор. Текст у него был готов. Он содержал несколько сотен написанных мелким шрифтом пунктов. Договор был выгодным, согласно ему, в институт даже должны были перечисляться деньги этой фирмы. Я текст просмотрел, все казалось нормальным. На всякий случай дал посмотреть своему заместителю. И я должен быть век ему благодарен — он обратил внимание на один короткий пункт, запрятанный в середине многостраничного документа. Согласно этому пункту, нашим сотрудникам, которые работали ранее по совместительству в свободное от основной работы время, теперь разрешается там работать и в основное время. Получалось, что зарплату из российского бюджета люди должны отрабатывать у заграничного дяди. Для меня это означало сразу две статьи Уголовного кодекса — превышение служебных полномочий и нецелевое использование бюджетного финансирования. Иванову я не сказал, почему не буду подписывать договор. Но он понимающе улыбнулся: «Надеюсь дожить до того счастливого времени, когда обо всем этом мы будем вспоминать с юмором».

Я обращался с жалобами на очевидные провокации и к своему руководству, и к начальнику УФСБ по нашему региону генералу Радченко, и к его заместителям. Мое руководство меня не поняло, посчитало, что я преувеличиваю. Заместители генерала отмалчивались, а сам он письменно ответил, что ФСБ к указанным фактам отношения не имеет. Ответ саморазоблачающий: в случае с Ивановым сам факт подставы был столь очевиден, что сразу возникал вопрос: кому это было нужно? Если не ФСБ, то, наверное, иностранным спецслужбам — для моей вербовки. Казалось бы, тогда ФСБ обязательно должна была этим

заинтересоваться...

В 2008 году все продолжалось в том же духе. Например, уволенный у нас за прогулы некто Ващенко обратился в ФСБ за поддержкой, и там его надумили написать на институт донос. Он это и сделал, но сильно перестарался, обвинив одного из завлабов в разработке технологий биотерроризма. По этому поводу была официальная проверка из ФСБ. Но глупость обвинений была настолько очевидной, что вопрос быстро закрыли.

Позже Ващенко неоднократно пытался меня шантажировать тем, что у него есть якобы некие связанные с предыдущей работой секретные материалы, которые не прошли в институте надлежащих процедур, и поэтому у органов есть основания привлечь меня за это к ответственности. То, что в этом шантаже фактически участвовали некоторые связанные с органами академические службы, не оставляло сомнений в источнике и этой провокации. Но я знал, что это все грубая фальшивка, и на шантаж никак не реагировал.

К нашему большому счастью, все эти и другие подставы срывались. Как-то раз, после очередного такого срыва, сорвался и сам куратор Паслёнов. Видимо, получив нагоняй от начальства, однажды он появился в моем кабинете совершенно неадекватный: стал кричать, что обнаружил нарушения секретности в работе института и теперь мне мало не покажется. И опять единственным спасением для меня, по его словам, было согласие сотрудничать. Его подозрения оказались, конечно, полной ерундой, но сам факт грубого давления был очень примечательным.

Я решил, что это уже слишком. Чтобы уволенный прогульщик грубо меня шантажировал, а майор спецслужбы орал на директора хорошо известного в мире научного института... В октябре 2008 года я обратился с жалобой к президенту страны. Написал, что вокруг нашего института после бесславного для ФСБ окончания дела Коростылева наблюдается явно нездоровая активность этой спецслужбы. Привел разные факты.

Моя жалоба была передана на рассмотрение на Лубянку. Вскоре в виде телефонных звонков и факсов из Москвы пошли провокации нового типа. Рассказывать о них не буду, с тем чтобы уж совсем ноу-хау наших органов не раскрывать (моих прав и свобод человека и гражданина они не нарушали). Скажу только, что их целью было дезавуировать мою жалобу.

В декабре 2008 года получил официальный ответ с Лубянки. Он очень примечательный. Так как это был одновременно и ответ президенту страны, неправды в нем быть не могло. Поэтому там не было такого, как раньше, что «ФСБ к указанным фактам не имеет отношения». Было совсем другое: «В действиях сотрудников органов безопасности по реализации своих полномочий в вашем институте нарушений законодательства не выявлено». Значит, действия все-таки были! А с тем, что не было нарушений, легко согласиться. Есть в Законе об оперативно-розыскной деятельности норма о так называемом «оперативном эксперименте». Все подставы и провокации легко в эту норму укладываются. В данном случае целью «эксперимента» было, по-видимому, доказательство того, что некоторые российские ученые переориентировались на работу на Запад.

В начале 2009 года меня пригласил к себе на беседу генерал Радченко — по поводу моего обращения к президенту. Я снова изложил факты (не все, конечно, всего их было, повторяю, несколько десятков). Он внимательно выслушал. Извинился от имени органов за выходку Паслёнова, а по поводу остального сказал: «Это против вас иностранные спецслужбы работали. Жаль, что время ушло, а то бы мы их прихватили с поличным». Как мне показалось, главное, что его интересовало, — есть ли у меня прямые доказательства участия ФСБ в этих делах. Убедившись, что все доказательства косвенные, он успокоился, и мы расстались с миром. Вообще беседа проходила в доброжелательном духе, и я решил, что всем моим проблемам теперь пришел конец.

Но я ошибся. В течение 2009 года было 12 (!) новых случаев явных провокаций. От неких иностранных организаций наш институт получал предложения о кооперации в разработке разных методик, как то: дистанционного лазерного определения цветности океана (якобы для целей экологии, но это есть и способ обнаружения следов от подводных лодок), генерации искусственного тумана (якобы для очистки воздуха, но это есть и метод маскировки объектов на местности), вертолетного сканирования толщины ледового покрова в океане (это тоже имеет прямое военное приложение) и т.д. Пути, по которым эти предложения к нам попадали, позволяли предполагать, что их источник находится вовсе не за границей... Похоже, что «оперативный эксперимент» продолжался.

Жаль очень, что применение нормы об «оперативном эксперименте» законом строго не регламентируется. Разве можно его применять против законопослушных граждан или организаций, и не один раз, а несколько десятков раз подряд? Хорошо еще, что мы пока не попались. А то ведь на первый взгляд чисто виртуальная

опасность может превратиться в реальный многолетний срок. Так, например, случилось с ученым из Подмоскovie Игорем Сутягиным. Многие из обстоятельств его уголовного дела позволяют предполагать, что он стал жертвой искусно организованной чекистской подставы.

Есть и другие жертвы этих «экспериментов». Это такие люди, как Бедняков, Иванов, Ващенко, и многие другие им подобные. Все это люди с искаленной психикой и со смещенными нравственными ориентирами. Такими они стали во многом благодаря проделанной с ними работе по активации темных сторон души человека. Оправданы ли какими-то важными государственными нуждами такие «действия сотрудников органов безопасности по реализации своих полномочий», которые приводят к нравственной деградации наших людей? На мой взгляд, в конечном счете для страны от таких методов работы ничего, кроме вреда, нет. Кстати, и людей типа Паслёнова и Пчелина считать нормальными членами нашего общества тоже нельзя...

Справка «Новой»

Сотрудники управления ФСБ по Новосибирской области в 2009 году выявили более 100 иностранных агентов. «В этом году выявлено более 100 иностранцев, имеющих принадлежность к кадровому и агентурному аппарату спецслужб иностранных государств», — говорится в сообщении ведомства. В особых случаях сотрудников иностранных спецслужб приходится выдворять за пределы страны, других же контрразведчики просто «держат под контролем», уточнил представитель управления.

Зарубежные спецслужбы интересуют ведущиеся в Новосибирской области, в частности, в Новосибирском Академгородке, научные разработки, уточнили в УФСБ.

«Итогом работы новосибирского управления в 2009 году стало достойное выполнение задач по противодействию коррупции, хищению и растрате бюджетных средств, деятельности представителей спецслужб иностранных государств, предотвращению попыток совершения терактов, борьбе с незаконным оборотом оружия и наркотических средств, драгоценных металлов, контрабандой», — говорится в пресс-релизе.

По сообщениям СМИ

Комментарий

Их методы всегда были провокационно-вербовочными

Академик РАН, член Общественного комитета защиты ученых Юрий Рыжов:

— Ну что сказать по поводу письма новосибирского ученого? Я не читал воспоминаний Суворова о том, как работали советские спецслужбы, но и из других источников всем хорошо известно, что их методы всегда были провокационно-вербовочными. Пожалуй, единственное отличие тогдашних офицеров спецслужб от нынешних это то, что те, советские, занимались вербовкой, чтобы выслужиться перед руководством, доказать свою полезность, нужность и т.д. Если они таким образом рассчитывали на повышение по службе, то сегодняшние сотрудники спецслужб, во-первых, имеют более низкую квалификацию, во-вторых, уже не погонно-звездный интерес ими движет, а самый примитивный, меркантильный. Ими движет стремление оседлать те или иные денежные потоки. Но не для того, чтобы направить эти потоки в государственный карман, а перевести их в свой собственный. Таковы стимуляторы этой провокационно-вербовочной публики сегодня.

То, что рассказывает Сергей Дзюба, — случай не уникальный. Занимаясь правозащитой так называемых «ученых-шпионов», мы подобных фактов собрали много. Их количество начало валово расти в нулевых годах. И если на старте двухтысячных нам удавалось хоть кого-то отстоять, то начиная с 2004 года плачевно заканчивались все эфэбэшные провокации, и люди садились в тюрьму на сроки, которые не дают даже серийным убийцам.

Вот чекисты демократической России регулярно сообщают о сотнях обезвреженных иностранных агентов, подкрадывающихся к нашей науке. Ну это же бред. Советские кагэбэшники мне говорили, что если в год они ловили трех-четырёх настоящих шпионов, это был рекорд. Даже профессионалы из КГБ хохочут в ответ на отчеты руководства ФСБ разных уровней о сотнях изобличенных шпионов.

Сергей Дзюба

директор Института химической кинетики и горения СО РАН,
доктор физико-математических наук,
профессор

Автор: Артур Скальский © Новая газета РАССЛЕДОВАНИЯ, РОССИЯ 👁 10714 18.01.2010, 16:15 📄 621

URL: <https://babr24.com/?ADE=83377> Bytes: 18091 / 18015 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)